

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

В ВОСТОРГАХ УМИЛЕНИЯ

Это строки из письма музыковеда и писателя Алексея Вульфо́ва своему товарищу, любителю поэзии, в ответ на его высказывания о тревожной судьбе поэзии в современном мире. Фрагменты письма автор счёл возможным предложить на всеобщее рассмотрение.

Лёня, не идёт у меня из памяти наш разговор о вырождении поэзии. Вырождение, да. А как иначе может быть?

Воздух времён поэтов Золотого века был буквально пропитан поэзией, поэтом был чуть не каждый образованный человек, стихи писали девушкам в альбомы. Это было время наслаждения речью как таковой – сродни наслаждению хорошей музыкой. Что был бы Гоголь без того самого “меткого русского слова” вокруг, на каком фундаменте построил бы Пушкин без уроков Арины Родионовны новый русский литературный язык?

Но тогда возникает вопрос: а откуда берётся само оно, это народное творящее слово? По всей видимости, из *духовного единства*, или духовного пространства, то есть стихийного, порой неосознаваемого, но явного ощущения всеми присутствия Бога, каких-то важнейших управляющих жизнью сил. От этого (по-православному – от Святого Духа) берётся особенно важная для поэтов непостижимая ёмкость народного слова, его исчерпывающий смысл при феноменальном лаконизме.

Раньше классические поэты были со всех сторон окружены щедрой, питающей народной речью, подобной какому-то насыщенному органическому удобрению. Когда читаешь слова в сборниках русских народных песен, кажется, что среди крестьян каждый второй был поэт. Ведь народ формирует речь не просто по смыслу – он в своих говорах даёт примеры строя, музыки, акцентов в речи, бескрайнее своеобразие её, он живописует, актёрски играет ею, чаще всего сам не осознавая того. Остатки такой речи, живущей как самостоятельное творящее живое существо, ещё можно встретить у людей старшего поколения.

Поэт и музыкант Георгий Поляченко говорил о том, что в народных песнях и сказах можно встретить неказистые слова, но никогда не встретишь такие, которые не выражают смысла. Каждое слово там нужно, как бы оно ни звучало, порой парадоксально (“горьким частым осинничком” – надо же так сказать: горьким!).

Композитор Георгий Свиридов говорил: “Есть поэты с биографией”. Да, поэт, конечно, должен быть “с биографией”, с личной легендой, без которой творчество его невообразимо, да часто и непонятно. Но кто же формирует эту легенду-биографию? События вокруг личности и её реакция на них. Недаром “Евгений Онегин” назван энциклопедией. Пушкин вообще великосветский,

реакция Пушкина на личности и жизненные явления, на новости была обостренно злободневной, публицистичной (как, например, и у Данте). События определяют стихийное направление приложения таланта – он всегда, осознанно или нет, разными творческими способами, но резонирует со своим веком – *любой* талант. Весь вопрос – как резонирует?

Формированию нетленного слова (музыки, рисунка) также способствовала и бытовавшая во времена духовного единства неосознанная либо осознанная потребность в *непременности* присутствия красоты в окружающем пространстве жизни – для души, для взгляда. Причём это касалось всех сословий – от простолюдина до аристократа. Этому, конечно, способствовала также окружающая гармония природы. Она всегда как бы неосознанно, но очень явно замечается простым народом: читай русскую народную поэзию, все тома песен, на любую тему, ты не встретишь там ни одного сюжета без описания или упоминания какого-то уголка природы. Конечно, столь же сильно и переживательно она замечалась и аристократами, академиками творчества. “Природа – это книга, которая на всех языках вещает людям о Боге”, – исчерпывающе сказано святителем Василием Великим. Именно поэтому природа с её вечно восторгающей, но до конца не доступной для постижения человеком красотой (в силу того, что мир природы создан не человеком, а Богом) несомненно влияет на качество слова и звука, сотворяемых человеком.

Поэтическое слово в старину окружала прекрасная живопись и музыка, танец и скульптура, театр, а в храмах – изографы разной степени гениальности... А вокруг чистый, в основном, не погранный ещё Божий мир, полный тайн и первоначальной красоты – ни о каком теперешнем всезнании, когда пятиклассник может точно, как профессионал, рассказать, откуда берутся дети, а мир можно рассматривать дома в Google’е без всяких странствий и путешествий, и речи не могло быть. Воздух совершенно чистый, “пустыня прекрасная” природы, не погрязшее естество во всём окружали слово в – увы! – ушедших временах...

Слово поэтов и писателей, которые естественным путём слиты с миром земным, не может формироваться вне вышеперечисленных влияний.

А откуда, в свою очередь, берётся это намерение требования красоты во всём окружающем? Оно берётся от стихийного стремления к *радости* – то есть, в конечном счёте, к Богу. Это благодатное радостотворение было бы немислимо без веры, осознанной или неосознанной, в высшие добрые силы, в конечную гармонию и справедливость. Что такое радостотворение? Под этим выдуманном словом подразумеваю всё то, что, в конечном счёте, ведёт человека к Богу, а не к сатане, к свету, а не к тьме. Под этим подразумевается любой путь к очищению, образумлению, к красоте и правде, к ладу и пользе, причём далеко не всегда этот путь радостный, часто – наоборот, но со стремлением к радости в результате пути.

В народном слове радостотворение проявляется в наличии пословиц и поговорок – философских по сути, но изложенных эстетически выводов о жизни, причём, если пословицы функциональны, дают наставительное руководство к деятельности, то поговорки вовсе не функциональны – слово ради слова, ради удовольствия, ради доброй усмешки от слова. У такого слова поэт и учится своему лаконизму, шлифует потенциальную цитируемость, ёмкость, броскость, артистизм своих слов (хотя талант, а значит, и стиль он получает только от Святого Духа, неизреченно).

Эта способность к радостотворению определяет и способность к возвышенности или “пылкости”, а не только к рациональности в понимании вещей:

*Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...*

(А. С. Пушкин)

Видишь – *радостно* трепеща. У них всё точно, все точки над *i* всегда расставлены.

Кроме того, духовное единство (или пространство) определяли преобладавшие в любых отраслях жизни разумность, полезность, прозрачность в понимании и толковании вещей, незамутнённая ясность (с этим мы часто

встречаемся, например, в статистических отчётах царского времени, различного рода “пояснительных записках”, “краткіх очерках”, “ещё к вопросу” с ятями и ерами, написанных на поразительно понятном, образном и красивом русском языке, о каких бы сверхпрофессиональных вещах ни шла речь). Этому не только учили в гимназии – это было обыденным свойством жизни. А ведь разумность, польза, чистота, прозрачность каждого слова (хотя и совершенно необязательно его прямолинейность) – жёсткое профессиональное требование для любого поэта, без этого он таковым просто не будет. Именно поэтому лучшие, любимые стихи в нашей жизни становятся некими эпиграфами в ней (поэзия вообще вещь очень личная не только для поэта; как сказал один очень талантливый критик в “ЛГ” (к огромному сожалению, не запомнил фамилии его), “литература перестала быть частью жизни человека” – да, раньше она, как и художественная проза, была частью жизни людей, а не просто отвлеченным эстетическим предметом).

Что же произошло, когда духовное единство оказалось нарушенным? На смену ему пришла бездуховность = бескультурие. Неизбежность красоты, радостотворение – всё это стало постепенно хиреть, суррогатизировать вместе с жизнью (хотя благодатная инерция слова была очень долгой, она выветрилась-то совсем недавно). Творчество стало всё больше заменяться мелкой гордыней, а не истинным восторгом созидания. Народный язык, естественно, откликнулся, тоже начал погибать, муть, грязь выплеснуло со дна, с площадной лужи, заплёванной шелухой от семечек, наружу, всё больше и больше с течением “преобразований” затемняя былой бойкий толк слова. Матерщина как норма общения (теперь она стала таковой и для девушек), грубословие, плебисцит в речи постепенно покрыли её густыми сорняками. Опошление жизни сопровождается всегда опошлением окружающей речи. Да тут ещё всякие “измы” и блатата, как цунами, ударившие в речь. Ужаснейшие сословные деформации, истрескавшие Россию в 1920–1990-х годах, столь же ужаснейше изуродовали речь, которая, как живое существо, сразу отзывается на события. Она становилась всеобще плебейской (у Евтушенко прочтём: “Интеллигенция поет блатные песни”, – вспомним, как шокировал Шариков Преображенского и Борментеля нарочитой пошлостью своей речи). В народной речи мат стал гораздо более характерной особенностью, чем “ёмкость”, “щедрость”, “феноменальный лаконизм” и проч. Народ не мог уже творить чистой речи – Бога прогнали. Меткости наблюдений в речи меньше не становилось – народ есть народ, но обойтись без её опохабливания стало уже невозможно (“мимо тёщиного дома”, “хочет и рыбку съест” – и т. п.).

Это то, к чему в результате вышеописанных событий пришёл народный язык, то, что реально, а не вымышленно окружает и современных поэтов. Произошло постепенно то, о чём царь Берендей у Островского говорит: “Исчезло в них служенье красоте”. Этим царь Берендей, как сургучом, припечатал процесс в европейском и, в частности, российском социуме 10-х годов XXI века. Другому стали служить, эстетика всё больше уходила на второй план и дальше. А что при этом может выйти?..

Почитаем как характерный пример избранные стихи одной очень известной современной поэтессы, которая знаменита на весь мир, стихи её переведены на 22 языка, она имеет различные награды и звания (редакция приносит вынужденные извинения читателям):

*Воздух жуя ноздрями,
свет глазами жуя...
Ждёте уж рифмы х...ми?
Х...ки вам, ни х...!*

ПОДРАЖАНИЕ АХМАТОВОЙ

*и слово “х...” на стенке лифта
перечитала восемь раз*

*Аве тебе, матерок,
лёгкий, как ветерок,
как латынь прелата,
налитой и крылатый,*

*как tots парижских заплатки
на русском аристократки,
как чистой ночнушки хруст —
матерок из девичьих уст...*

Наконец, самое знаменитое у этой поэтессы, везде цитируемое, белым стихом, как в каких-то “Маленьких трагедиях”:

*Так юное влагалище, рыдая
под мужеской рукой, пощады просит
и жаждет, чтобы не было пощады.*

Итак, внимание читателя гарантировано.

*Лоб обреют — пойдёшь отдавать свою,
лобок обреют — пойдешь отдавать чужую
жизнь. Родина-матка, тебе пою,
а сама партизански с тобой воюю,
ибо знаю: сыну обреют лоб.
Ибо знаю: дочке лобок обреют.
Чайной ложкой лоно твоё скреб
Ирод. Роды Ирода. И Назорей.*

Ну, разумеется, тут и Ирод, и Назорей, без них “фишки” не будет, они как приправа ко всему почему-то используются в современном массовом потоке “культуры” (например, в богомерзком спектакле “Конармия” Центра им. В. Мейерхольда тоже рядом поруганное христианство и обнажённые мальчишки, красиво бегающие по сцене со вздрагивающими попками). Читателю стихов намекают, что вот тут самая “мулька” (ныне слова “фишка” и “мулька” — обиходные синонимы слов “секрет” и “смысл”, что показательно), вспоминают, словно вернувшись из бреда, что разумное-доброе нести надо, иной раз и о серьёзном вспоминать, не только о лобках, вот и вспоминаются ненадолго Ирод и Назорей...

Обидно становится за преподносимый поэтессой образ женщины, которая выставляется разнузданной самкой, а этим, насколько мне известно, данный образ вовсе не ограничивается. На месте феминисток я бы не смолчал на такие стихи.

В сущности, мир такого рода поэзии — скука, а это хроническая болезнь вообще всей глобализированной современности (почему и создана пресловутая индустрия развлечений, тех самых, которые заменили в современном социуме бывшее преобладание познавательности преобладанием развлекательности). Упомянутая поэтесса и сама говорит об этом с поэтической склонностью к обобщениям:

*Творить? Ну, что ты! — Створаживать
подкисшее житиё,
житуху облагораживать,
чтоб легче было её
любить. И любить её, жирную,
как жёлтый пасхальный творог...
А ты мне — про тайны надмирные,
А ты мне — восстань, пророк...*

Ну, разумеется. Так или иначе, всё кругом, разумеется, гадость, прокурённая от болтовни неприбранная кухня, злоба ума, как у З. Гиппиус, только та поэтически гораздо совестливее. (Да, “ласковая кобра” Гиппиус гораздо богаче, даровитее!)

Любви нет в этих стихах. Выветривается любовь и из всей современной жизни — во всё. В музейный экспонат превращается. Прислушайтесь, как общаются между собой люди — по телефону, в транспорте. Иной раз просто лай какой-то, как воевода Полкан в либретто “Золотого петушка” у гениального В. Бельского (“говорит всегда, как ругается”), неутолимая свара ради свары. Современная молодёжь часто высокомерна (её этому специально учат), но по

своему качеству это высокомерие пятиклассников возрастом 25–30 лет... Подобного же качества обычно и тщеславие нынешней молодёжи.

“Серые мы стали какие-то... Неинтересные... Обездоленные... Жалко нас... Какая там поэзия...”

Ну, а что происходит в среде другого традиционного важнейшего носителя слова, известного спутника поэзии – в популярном или, говоря не по-русски, “хитовом” театре? О, какое там слово! Один известный театральный режиссёр Огарёв, очень уважаемый и “востребованный” в либеральных столицах, на достигнутом не останавливается, ему калечения классиков “осовремениванием” и намёков на половые извращения на академической сцене мало (так и денег можно не заработать). Он прославился не то чтобы официально запрещённым матом и раздеваниями, без которых современный зритель уже, как без воздуха, а тем, что в одном спектакле актриса у него писает на сцене, а затем либеральные толерантные критики, люди сытые, в специально отведённых местах в модных журналах, читаемых так называемой либеральной интеллигенцией, определяющей критерии и идеалы современной жизни, оживлённо пишут, что при этом “раздавался настоящий запах мочи”. Надо полагать, подобные сценические находки – гусарская доблесть современной режиссуры, да и хороша же, однако, фигура актрисы! Есть ещё один спектакль, в котором тем же занимаются сразу четверо. И насколько же удивителен актёрский зал, который немедленно – все как один – не встает и с проклятьями не уходит. До какой же привычки к тьме дошли люди за последние двадцать лет!

Это уже не театр, а какой-то подлый погибельный раёк, сознательно делающий из человека нелюдь (прямая противоположность известной гоголевской “кафедры”). Буковку “а” – “академический” – не зря изъяли из названия былого МХАТа – она очень ко многому обязывает. Гадят они, вот и всё, сразу распространяют. Ну, какую вот память о себе оставят? В какую попадут область земного бессмертия? Спаси их Господи... Вообще-то их замечать особо не надо – “много чести” (И. Бунин). Но ведь популярны же, и даже очень.

Новая “мейерхольдовщина”? Нет. Мейерхольд доходил до эпатажного, но никогда не опускался до низменного. Автор популярной сегодня “хитовой” пьесы “Пьяные” напрасно вначале представления цитирует стихотворение Омара Хайяма – этот поэт тоже, несмотря на любовь к пьянству, никогда не опускался до похабства и пошлости, в отличие от героев вышеозначенной пьесы.

В сущности – обыкновенная, прикрытая “интеллигентством” наглость и, конечно, главная составляющая современности, рабочий механизм всех этих хватов-политиков, шоуменов, прочих героев толпы – бесстыжесть (первична не безответственность, а бесстыжесть, без которой безответственность просто невозможна). В сущности – тёмный и пустой мир. Пошлость. Это всё *исчерпаемо*, причём быстро. Пилюля от скуки для недоумков, товар не для простых, а для простейших. То же развлекалово, просто с “художественным” уклоном, мода столиц для недалёких, полагающих себя избранными. Для тайных, но очередных хамов. Если это принять за голос века своего – в таком случае хорош же он, век этот... А ведь век – это мы сами, никакие не “времена”. Плебейзация, вульгаризация высоких жанров, вообще высокого всегда исключительно опасны для любого общества, это мощный сигнал тревоги. Исключительно опасно, что главный потребитель такого рода продукции – молодёжь.

Замешивание высокого с грязью никогда не полезно. В искусстве это может приводить только к истерике, но не к гармонии творчества, каким “экспериментом” такое ни называй.

Особенно обидно бывает, когда в руках подобных господ оказываются беззащитные произведения классики, великие творения культуры, стоящие каждым слогом за человека, классики, которые, наверное, слезятся о нас в невидимой нам печали в своём отдалённом раю... Между тем, искреннее и тщательное почитание предмета воплощения является основным стартовым условием при любом прикосновении к классике, тут должна быть полностью принята идея её целомудрия, тут должен применяться только метод изначального преклонения, иначе пропадёшь сам и другие через тебя. А это грех-то какой! (“Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят”. – Лк. 17, 1).

Наше время: “Хи-хи-хи да ха-ха-ха, не боится, знать, греха”. Какое уж там радостотворение... Одно насыщение. Композитор Г. Свиридов ещё в том веке говорил: “Люди сделались карлики <...> людей нет”. Мелко всё стало. Вместо

общения – тусовка, вместо смысла – муть. . . Обмеление жизни наряду с обмелением вод в природе. А поэзия и мелкость несовместимы. Мы же, когда хвалим какую-то пьесу или стих, или спектакль, или повесть, говорим: “Глубокая это вещь”. Хорошо сказал ивановский студент Григорий Савельев: “Тусовка – неспособность к истинной *праздничности*” (курсив мой. – А. В.).

Конечно, есть и *другое*, радующее. Много пишут и хороших стихов. Издаются до сих пор поэтические сборники – и действительно хорошие, красивые стихи встречаются, глубоко замешанные на слове. В. Казакевич, В. Костров, Ст. Куняев – это поэты, ничего не скажешь. Вот есть, например, поэтесса Ирина Левина-Домбровская. Она ухитряется как-то в наше время сочетать целомудрие стиха со спокойствием и мудростью, писать от простой любви, а не от похоти, претензий, обид или злобы на бытие в целом. . . Есть замечательная поэтесса с чистым словом Людмила Барыкина, талантливый автор стихов и песен Валерий Сыскин, другие хорошие поэты. Но всё хорошее, вместе с телеканалами “Культура”, “Спас” и “Союз”, прекрасными речами патриарха Кирилла, профессора А. Осипова, замечательными композиторами-“почвенниками” А. Висковым, И. Вишневым, В. Довганем, В. Калистратовым, Г. Маем, И. Александровым, корифеем нашей музыки С. Слонимским, многочисленными иконописцами, археологами, краеведами, художниками, музыкантами, танцорами и многими другими разрозненными талантами современной России – всё это так или иначе оказалось в некоей резервации, но не в “потоке культуры” (опять выражение Г. Свиридова), да и не в потоке жизни, всё больше смахивающей на одно большое ток-шоу. Есть, конечно, такие живительные явления в культуре, как превосходный театр “Сфера” А. Коршунова, великолепный “Пасхальный фестиваль” В. Гергиева, изумительный хор храма Христа Спасителя под руководством И. Толкачёва, но это, увы, лишь исключения, подтверждающие правило. Есть спасительный мир Православия, вообще вероисповедания. Всё это есть, слава Богу, есть, но этого становится *мало*, а с уходом старых людей, людей-талантищ, людей-совестей становится всё меньше и меньше (весьма скорбен для современного театра и всех нас уход гуманистов сцены С. Арцибашева и П. Фоменко). Широко, официально пропагандируется, во всяком случае, не доброе (откройте заставки Яндекса, телепрограмму на неделю, понажимайте кнопки центральных программ ТВ, включите радио на FM, погоняйте туда-сюда селектор приёмника). Государство не на стороне доброго очень во многом – увы! А где вы видели классическое искусство без поддержки государства?..

Вот в какое время пишутся сегодня стихи. Слово – живое существо, оно “в начале бе”; оно живёт своей непостижной жизнью, оно гораздо чутче и восприимчивее человека, оно передаёт явления, видит сердцем, как мать, как ребёнок; в нашем случае, увы, оно своей “фишкой” и “мулькой” передаёт несомненное вырождение европейской культурной цивилизации, в основном, утратившей, поправшей, продавшей своё духовное единство. “Платим за комфорт своей мизерностью”, – сказал прекрасно мой ученик Андрей Кудрявцев. Слово естественно реагирует на это, как и вообще на всё в Мире Жизни.

Пришёл Ельцин – государство бросило поэзию на произвол судьбы. Хорошо помню в 1980-х годах альманахи “День поэзии”, поэтические подборки “Юности”. Книжки стихов и критику на них печатали все 60 с лишним книгоиздательств Советского Союза. Люди жить не могли без поэзии, очень многие читали и писали стихи. Когда и где вы видели жизнь академической культуры без поддержки государства или хотя бы каких-то серьёзных покровителей? Немудрено, что ельцинизм принёс России глобальный интеллектуальный дефицит. Можно сколько угодно вздыхать о прекрасном утерянном театре, точнее – о традиции и славных спектаклях, всей этой большой, как теперь мы на расстоянии видим, культуре 1970–1980-х годов, но те спектакли ставились долго, иногда по полгода, а не за 10 дней, как сегодня, – государство давало средства на это. Да и люди добро там творили, а не подленькое плебейское зло. В царстве советской идеологии творили, в войнах, погромах, ГУЛаге, бескормице. Сколько красоты, смысла, воистину доброго слова, а значит, и “чувства доброго”, описанного Пушкиным в стихотворении “Памятник”, дали своему жестокому веку стихами вопреки всему такие поэты-гуманисты, как Заболоцкий или Твардовский.

Есть ещё так называемая патриотическая современная поэзия, в которой за внешним пафосом даже в случае искренности переживаний поэта

единообразные мысли нередко сочетается с плохо скрываемым неверием в собственные слова... Вроде “ты восстанешь, проснешься, Россия, не вечно тебя топтать!” Сами же и топчем, мы и наше правительство – кому адресован этот вопль? Кто мятые пивные банки швыряет на улице, вообще беспощадно мусорит вокруг себя, публично матерится, да ещё при детях, пошлит и бездельничает вместо любопытства, честного труда, чтения и улыбки к жизни, забивает башку всякой дешёвой, как джин-тоник, ерундой из газетёнок и комиксов, ближнего “разводит”? “Русь, весь мир содрогнётся тобой!” Это запросто с такой-то “культурной” политикой содрогнётся, и ещё как: Атилла может в гробу зарыдать!.. “Русь, ты скоро прогонишь носатых! // И себя в веках обретёшь!” Ну, как же без этого! Короче говоря, “О Русь!” Последнее восклицание сквозь сегодняшнюю зарастающую бурьянами и пустолесьем былую пахотную Русь выглядит даже и не совсем удобным... При всей идейности и злободневности поэзии, – конечно, лучшие поэты говорят за всю эпоху, а иногда и за весь народ, – всё-таки никто не может забывать, что литература, – в первую очередь, область словесности, в смысле *изящной словесности*. Нет настоящего поэта без этого. А в такого рода поэзии именно *изящной словесности* часто и не хватает, преобладает декларативность и, как правило, мало мастерства. Изящная словесность требует большого труда и опытности, а не только лучших чувств. Полезно поглядеть черновики Пушкина.

Так-то, призывы нужны. Но вообще за Русь стоять – это рукава засучить, молитву пробормотать и целый день работать, не разгибаясь. А там, глядишь, и стихи нетленные невесть откуда родятся.

Прежде чем вернётся высокая поэзия, должны быть вначале подняты и снесены на помойку те мятые банки, прибрано должно быть в природе, чтобы предотвратить всеобщую земную катастрофу, началу которой мы все свидетели. Надо немедленно прекратить нещадно рубить леса и качать нефть, оставить в покое Арктику, надо начать сажать леса, спасти реки, вообще пресную воду, бороться с парниковым эффектом. Наряду с этим надо начать опять читать Пушкина и Тургенева, вернуть образование познавательное, а не ЕГЭ по интернету, начать опять родные песни петь хором в согласии... Увидеть опять небеса... Нужно вернуться к *благозвучию* – в музыке, в поэзии, в литературе, в живописи, в способе жизни, в общении. В каком-то смысле – к *покою*. Уйти от суеты ради денег, сокрушить, уничтожить её. *Экология поэзии незаметно, но очень сильно зависит от экологии природы и общежития*. Представьте себе: выглядывает зимним утром Пушкин в окно, а там вместо великолепных ковров сегодняшняя помойка природы, унылая измученная хлябь, а кучер или няня вместо: “Не одна ли то во поле дороженька” –, поют: “Я убью тебя, лодочник!” или что-нибудь, не приведи Бог, из современной попсы... Пока на коленях к природе-матери не приползём: “Прости, прости, больше не будем, исправимся!” – нет у нас надежды ни на какую поэзию, ни на какое спасение. Земля иначе не родит слово, обидели её.

Необходим *возврат к естеству*: в музыке – к мелодии, в поэзии и прозе – к гармонии речи, в жизни – к прогулкам на природе, катанию на лыжах, хождению в музеи. Чтобы малыш “уж отморозил пальчик”, нужно, чтобы был мороз зимой, а малыш чтобы гулял на улице, а не лежал на животе дома в обнимку с ноутбуком. Как мало видишь сейчас деток, катающихся с горок! Возвратить нужно гуманизм в искусство.

Пушкин дал абсолютное лаконичное, исчерпывающее руководство, как всего этого добиваться, что конкретно нужно делать, чтобы была поэзия, нужно просто почитать внимательно и принять за инструкцию его слова: “Дивясь божественной природы красотам...” (см. выше). Добавить к этому сугубо практическому совету для поэтов, вообще людей искусства, на мой взгляд, нечего.

И, конечно, каждому лично, отдельно спросить себя без оглядки на путинных и медведевых: кто я – человек или манкурт? Ибо вопросы поэзии неотделимы от вопросов нравственности. Мы все в ответе за свою страну и за свою культуру, включая поэзию. Это, может быть, несправедливо (с оглядкой на потусторонние уродства властей), но это общий исторический порядок. Задачи глобальные, но решать их должен каждый.

Культура свелась так или иначе к рациональному (причём, как правило, однообразно, предсказуемо рациональному), физиологичному, потребительскому, а не к бесплотному, бестелесному, тому, что тянется невидимыми

разводами мыслей и образов-ладанов к Духу Святому, к неземному, необъяснимому – и при этом неисчерпаемому, к тому, что люди называют “серьёзным”. Ныне серьёзные жанры всё больше смешиваются с лёгкими – самое настоящее стирание граней налицо (имеется в виду граней добра и зла).

Поэзия предусматривает лирику (то есть культурное, осознанное душой одиночество без цели и задачи, с одним только переживаемым чувством, рождённым тем или иным впечатлившим явлением жизни; ни о какой рациональности, функциональности здесь не может быть и речи!). Современная поэзия, вообще современное искусство лирику утратили почти полностью, даже, можно сказать, настороженны к ней, завидуют, осмеют при случае, потопчут, как тот “осторожный человек” у Горького, потому что сами не способны на неё. В потребительстве лирики нет и быть не может, там цели другие, тем более в примитивном потребительстве, рождённом угождением обычным инстинктам, а не душевным познанием мира и отзывом на него. Стихи теперь девушкам не читают.

Страшно даже не то, что лирики нет, – страшно, что поводов для неё всё меньше. Старение старой красоты не досадно – досадно, что новая, молодая красота на смену не приходит. Раньше устареет Тредиаковский – придут Пушкин, Лермонтов; потом придут Некрасов, А. Толстой, Фет, Тютчев; потом Есенин, Блок, наконец, Рубцов, при всей русской вологодской простоте абсолютно классичный, целомудренный поэт; а теперь что?..

“Трепеща радостно в восторгах умиления – вот счастье, вот права...” М-да...

Увы, описанные процессы очень характерны для последних периодов империй, например, Римской (искусство последних пары веков этой империи просто перестало быть таковым, превратившись в довольно мерзкое шоу, жутко напоминающее современное телевидение). Эти процессы гениально описаны Л. Н. Гумилёвым (глава “Фаза обскурации” в “Этногенезе” длиной в одну страницу, но убийственная).

Что касается современной разговорной речи с её возвращенным в сытых столицах сленгом, то это уже не сорняк и не яд – это смерть языка. Этим окончательно оторвался он от исходной своей сущности в той же степени, в какой и народ, разговаривающий на нём. Это уже нитратный овощ. Ну, не смерть – мутация, но от этого ещё хуже...

Поэтому поэзия, рождённая современным социумом, так называемыми отношениями, особенно в столично-либеральном духе, не только мало возможна, но и, даже появившись, по своим последствиям скорее потенциально вредна. Тут задумаешься: надо ли ей, такой, вообще появляться?.. Что творится с театром, мы видим. Недаром последнее русское искусство (Свиридов и Гаврилин в музыке, Николай Рубцов в поэзии, Шукшин, Распутин, Абрамов, Е. Носов и Астафьев в литературе), питавшееся из остатков великого былого творческого наследия народа, ностальгично, сожалательно, но не патетично, как, например, поэзия времён какой-нибудь “романтики строек” или уж тем более “друзья мои, прекрасен наш союз!”. Нужно уже было стать немного этнографом и краеведом, чтобы добраться до традиции. Кончался уже тогда материал для художественного творчества, начало всерьёз кривить жизнь, наступила её эрозия, заболачивание, в прошлом находилось смысла всё больше, чем в настоящем (“Лад” В. Белова, “Владимирские просёлки” В. Солоухина).

Потом – поэзия, как и проза, если она настоящая, никогда не замыкается на мире только человека. Возьми Пушкина – у него начинается стихотворение с обращения к ещё дремлющей любовнице, с которой он провёл минувшую ночь, а заканчивается полями пустыми, лесами, недавно столь густыми, берегом, милым для него. Вот это пространства образов! Другое стихотворение начинается с описания первой встречи с будущей возлюбленной (надо сказать, довольно обыденный сюжет в поэзии), а заканчивается целым перечнем крупнейших жизненных явлений, не просто определяющих основы душевного и духовного бытия, но и всех высших нравственных ценностей – тут вам “и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь” – вот это опись! Они всё, всё видели, очень широко смотрели вокруг себя, а не только в себя или, вот как в тех стихах, в некое влагилице. Пушкин широко смотрел на мир, как на пространство, его и в Лицее этому учили, Жуковский его этому учил. А сейчас доктрина из телека – “важней всего погода в доме...” Условно говоря, из поколения менеджеров могут вырасти новые менеджеры,

но не новые поэты. Ну, как можно ждать, чтобы в скуке (спутнице и родоначальнице бездуховности), пошлости, мещанстве родилось высокое поэтическое слово? Откуда для этого овоща возьмутся тут должны земля и климат? Не знаю. Надо молиться. Ведь есть пока и хорошее. Очень важно, что всегда с нами наша Старая Культура – вечная спасительница, добрая и покладистая, как мать. Интернет несёт и её (старые книги, стихи, записи спектаклей и концертов) – смотря кто что ищет. А что ищешь, то и обрящешь.

Чтобы появилась новая поэзия, должна появиться новая эпоха. А это зависит уже от нас всех. Как говаривал великий Валерий Гаврилин, нужно, чтобы *молодыми голосами запели старую песню*. Ясно одно: назад, к традиции естества должен быть сделан шаг, вперёд рваться уже некуда; речь идёт уже не о развитии – о восстановлении культуры. Восстановить почву, в которой может вырасти овощ новой поэзии, ожить новое слово.

И от государства зависит – напрямую. В конечном результате, от его политики и управления зависит то, какой будет в нём культура, а значит, и поэзия. Нужно возрождать дома культуры, самодеятельные хоры и оркестры, кружки любителей классики. Нужно, чтобы государство чётко показало народу: классика, старина, культура, искусство, песня, мелодия, стихотворение, тем более национальные – в великом почёте. Пока же оно допустило то, что фильм к 100-летию композитора Г. Свиридова по первому каналу шёл в час ночи (про качество фильма уж не говорю), юбилей Николая Рубцова прошёл практически бесследно. Это пока. Что будет дальше? Бог знает.

Ведь слово – от Бога. А дары Его неизреченны. На это вся надежда! Так что надо Ему угождать. Иначе не будет никакой поэзии.

Получилось длинно и против желания порой грязно (под статью теме), прошу прощения.